

1001 ночь.

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате

[Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате, ночи 20-22](#)

[Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате, ночи 23-24](#)

Двадцать третья ночь

Когда же настала двадцать третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что горбатый конюх заговорил с везирем, отцом невесты, и сказал ему: "Да проклянет Аллах того, кто был этому причиной!" А везирь сказал: "Вставай, выходи отсюда!" Но горбун отвечал: "Что я, сумасшедший, что ли, чтобы уйти с тобою без позволения ифрита? Он сказал мне: "Когда взойдет солнце, выходи и иди своей дорогой". Что, взойшло солнце или нет?" – "Кто тебя сюда привел?" – спросил тогда везирь; и конюх сказал: "Я вчера пришел сюда за нуждою, и вдруг из воды вылезла мышь и закричала на меня и стала расти, и сделалась буйволом. И он сказал мне слова, которые вошли мне в ухо, и оставил меня и ушел, да проклянет Аллах невесту и тех, кто меня женил на ней!"

И везирь подошел к конюху и вынул его из отверстия, и тот выбежал, не веря, что солнце взойшло, и пошел к султану и рассказал ему, что у него случилось с ифритом.

Что же касается везиря, отца невесты, то он вошел в дом смущенный, не зная, что думать о деле своей дочери, и сказал ей: "Дочь моя, разъясни мне, что с тобою случилось?" И она сказала: "Жених, перед которым меня вчера открывали, провел со мною ночь и взял мою девственность, и я понесла от него; и если ты мне не веришь, то вот на скамеечке его чалма, а его платье под матрацем, и в нем что-то завернуто, я не знаю что".

И, услышав эти слова, ее отец вошел под намет и увидел чалму Бедр-ад-дина Хасана, сына своего брата, и тотчас же взял ее в руки и повертел и сказал: "Это чалма везирей, – она сделана в Мосуле!" И он увидел ладанку, зашитую в тарбуше, и взял ее и распорол, и, взяв одежду Хасана, нашел в ней кошель, где была тысяча динаров.

И, открыв кошель, он увидел там бумагу и прочитал ее, и это оказалась расписка еврея на имя Бедр-ад-дина Хасана, сына Нур-ад-дина Али каирского, и тысячу динаров он тоже нашел.

И, прочитав эту записку, Шамс-ад-дин испустил крик и упал без сознания, а придя в себя и поняв сущность дела, он изумился и воскликнул: "Нет бога, кроме Аллаха, властного на всякую вещь!"

"О дочь моя, – спросил он, – знаешь ли ты, кто лишил тебя невинности?" И она ответила: "Нет". И тогда везирь сказал: "Это мой племянник, сын твоего дяди, а эта тысяча динаров – приданое за тебя. Хвала Аллаху! О, если бы я знал, как случилась эта история!" Потом он вскрыл зашитую ладанку и нашел в ней исписанную бумажку, где были написаны числа почерком его брата, Нурад-дина каирского, отца Бедр-ад-дина Хасана.

И, увидев почерк своего брата, Шамс-ад-дин произнес:

"Я таю с тоски, увидя следы любимых,

На родине их потоками лью я слезы.

Прошу я того, кто с ними судил расстаться,

Чтоб мне даровал когда-нибудь он свиданье".

А окончив стихи, он прочитал бумажку, бывшую в ладанке, и увидел в ней число того дня, когда Нур-ад-дин женился на дочери везиря Басры и вошел к ней, и число дня рождения Бедр-ад-дина Хасана, и возраст Нур-ад-дина ко времени его смерти, – и изумился и затрясся от восторга; и, сличив то, что произошло с его братом, с тем, что случилось с ним самим, он увидел, что одно совпадает с другим и что его брак и брак Нур-ад-дина сходятся в числе и ночь их свадьбы и день рождения Бедр-ад-дина и его дочери Ситт-аль-Хусн тоже совпадают.

И он взял эту бумагу и пошел с ней к султану и рассказал ему, что случилось, от начала до конца; и царь удивился и велел тотчас же записать это дело. И везирь просидел, ожидая сына своего брата, весь этот день, но он не пришел, и на второй день и на третий тоже – до седьмого дня, и о нем не было вестей. И тогда везирь сказал: "Я непременно сделаю дело, которого еще никто не делал!"

И он взял чернильницу и калам и начертил на бумаге расположение всей комнаты и обозначил, что кладовая находится там-то, а такая-то занавеска – там-то, и записал все, что было в комнате, а потом он свернул записку и велел убрать вещи, а турбан, ермолку, фарджию и кошель он взял и убрал к себе, запев их железным замком и запечатав их до той поры, пока не прибудет сын его брата, Хасан басрийский.

Что же до дочери везиря, то ее месяцы кончились, и она родила мальчика, подобного луне и похожего на отца красотой, прелестью, совершенством и блеском, и ему обрезали пуповину и насурьмили глаза, и передали нянькам, и назвали Аджибом.

И день был для него точно месяц, а месяц – как год; и когда над ними прошло семь лет, везирь отдал его учителю и поручил ему воспитывать его, научить его чтению и дать ему хорошее образование. И Аджиб пробыл в школе четыре года и начал драться со школьниками, и ругал их, и говорил им: "Кто из вас мне равен? Я сын каирского везиря!" И дети собрались и пожаловались старшему на то, что терпели от Аджиба, и старший сказал им: "Завтра, когда он придет, я научу вас, что сказать ему, и он закается ходить в школу. Когда он завтра придет, сядьте вокруг него и говорите: "Клянемся Аллахом, только тот будет играть с нами в эту игру, кто скажет, как зовут его мать и отца, а кто не знает имени своей матери и отца, тот сын греха и не будет играть с нами!"

И когда наступило утро и они пришли в школу и явился Аджиб, дети окружили его и сказали: "Мы будем играть в одну игру, но только тот будет играть с нами, кто скажет нам имя своей матери и отца". И все ответили: "Хорошо!" И один сказал: "Меня зовут Маджид, а мою мать – Алавия, а отца – Изз-ад-дин"; и другой тоже сказал такие же слова. И когда очередь дошла до Аджиба, он сказал: "Меня зовут Аджиб, мою мать – Ситт-аль-Хусн, а отца – Шамс-ад-дин, везирь в Каире". Но ему закричали: "Везирь тебе не отец!" – "Везирь правда мой отец", – возразил Аджиб; и тогда дети стали смеяться над ним и захлопали в ладоши и сказали: "Его отца не знают! Вставай, уходи от нас, с нами будет играть только тот, кто знает, как зовут его отца".

И дети тотчас же разбежались и стали смеяться над Аджибом, и у него стеснилась грудь, и он задохнулся от плача. И старший сказал ему: "Мы знаем, что везирь – твой дед, отец твоей матери Ситт-аль-Хусн, но не твои отец. А твоего отца ты не знаешь, и мы тоже, так как султан выдал твою мать замуж за горбатого конюха, и пришли джинны и проспали с ней, и у тебя нет отца, которого бы знали. Не думай же больше равняться с детьми в школе, пока не узнаешь, кто твой отец, а иначе ты будешь среди них сыном разврата. Не видишь ты разве, что сын торговца зовется по отцу? А ты? Твой дед – везирь в Каире, а твоего отца мы не знаем и говорим: нет у тебя отца! Приди же в разум!"

И, услышав от старшего из детей эти слова и позорящие его речи, Аджиб тотчас же поднялся и пошел к своей матери, Ситт-аль-Хусн, и стал

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ей жаловаться плача, не плач мешал ему говорить. И когда его мать услышала его слова и рыдания, ее сердце загорелось огнем, и она спросила: "О сын мой, почему ты плачешь? Расскажи мне, что с тобою случилось".

И Аджиб рассказал ей, что он услышал от детей и от старшего, и спросил: "Кто же мой отец, матушка?" – "Твой отец везирь в Каире", – сказала Ситт-аль-Хусн; но Аджиб воскликнул: "Не лги мне, везирь – твой отец, а не мой! Кто же мой отец? Если ты не скажешь мне правду, я убью себя этим кинжалом".

И, услышав упоминание об его отце, Ситт-аль-Хусн заплакала, вспоминая сына своего дяди и думая о том, как ее открывали перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийскую! и что с нее с ним случилось. И она произнесла такие стихи:

"Любовь в душе оставив, они скрылись,

И земли тех, кого люблю, – далеко.

Ушли они, и с ними ушло терпенье,

Расставшись со мною, и трудно уж мне быть стойким"

Уехали – и радость улетела,

Исчез мой покой – и нет уже мне покоя.

И слезы они пролили мои, расставшись,

И льются из глаз обильно они в разлуке.

Но если когда захочется мне их видеть

И долго их мне придется прождать в волненье,

То вызову вновь я в сердце своем их образ,

И будут думы, страсть, тоска и горе.

О вы, чья память стала мне одеждой,

Ведь, кроме страсти, нет у меня рубахи,

Любимые, доколь продлится это

И долго ль меня вы будете сторониться?"

И она стала плакать и кричать, и сын ее тоже; и вдруг вошел к ним везирь, и при виде их слез его сердце загорелось, и он спросил: "Почему вы плачете?" И Ситт-аль

Хусн рассказала ему, что произошло у ее сына с детьми в школе; и он тоже заплакал, вспомнив своего брата и то, что между ними было и что произошло с его дочерью, и не знал он, что таится за этим делом.

И везирь тотчас же пошел и поднялся в диван и, войдя к царю, рассказал ему, что случилось, и попросил у него разрешения поехать и направиться в город Басру, чтобы расспросить о своем племяннике, и еще он попросил султана написать ему указы во все земли, чтобы он мог взять сына своего брата, где бы он его ни нашел.

И он заплакал перед султаном, и сердце султана сжалилось, и он написал ему указы во все земли и области.

И везирь обрадовался и призвал на султана благословение, и тотчас же ушел и снарядился для путешествия, захватив все необходимое и взяв с собою дочь и внука Аджиба. И везирь ехал первый день, и второй день, и третий, пока не прибыл в город Дамаск, и он нашел там деревья и каналы, подобно тому, как сказал об этом поэт:

Когда пришлось нам прожить в Дамаске и ночь и день,

Судьба клялась, что подобной ночи не будет впредь.

И спали мы, а сумрак ночи беспечен был,

И с улыбкой утро седые ветви тянуло к нам.

И заря казалась в тех ветках нам словно жемчугом,

Что рукою ветра срывается и слетает вниз.

И читали птицы, а пруд страницей был для них,

И писали ветры, а облако точки ставило.

И везирь расположился на площади Камешков и расставил палатки и сказал своим слугам: "Мы отдохнем Здесь два дня!" И слуги пошли в город по своим делам: один – продать, другой – купить, этот – в баню, а тот – в мечеть сынов Омейи [49], равной которой нет в мире.

А Аджиб вышел с евнухом, и они пошли в город прогуляться, и евнух шел сзади Аджиба с такой дубиной, что если бы ею ударить верблюда, он бы не встал.

И когда жители Дамаска увидели Аджиба и его стройный стан и блеск и совершенство (а он был мальчик редкой красоты – нежный и выхоленный, мягче северного ветра, и слаще чистой воды для жаждущего, и сладостнее здоровья для больного), за ним последовал весь народ, и сзади него бежали, и стали обгонять его, и садились на дороге, чтобы, когда он пройдет, посмотреть на него. И раб, по предопределенному велению, остановился возле лавки его отца, Бедр-ад-дина Хасана. (А у того вырос на лице пушок, и ум его стал совершенным за эти двенадцать лет; и повар уже умер, и Бедр-ад-дин Хасан получил его деньги и лавку, так как тот признал его у судей и свидетелей своим сыном.)

И в тот день, когда его сын с евнухом остановились возле лавки, Бедр-ад-дин посмотрел на своего сына и увидел, что он обладает величайшей красотой, его душа затрепетала, и кровь его взволновалась из-за призыва родной крови, и его сердце привязалось к нему.

А он сварил подслащенных гранатовых зернышек, и Аллахом внушенная любовь поднялась в нем, и он позвал своего сына Аджиба и сказал:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"О господин, о тот, кто овладел моим сердцем и душой и взволновал все мое существо, не хочешь ли ты войти ко мне, чтобы залечить мое сердце и поесть моего кушанья?" – и из глаз его, помимо его воли, потекли слезы, и он подумал о том, чем он был и чем стал сейчас.

И когда Аджиб услышал слова своего отца, его сердце взволновалось, и он посмотрел на евнуха и сказал: "Мое сердце взволновано из-за этого повара; он как будто расстался с сыном. Войдем к нему, чтобы залечить его сердце, и съедим его угощение. Может быть, за то, что мы это сделаем, Аллах соединит нас с нашим отцом". Но евнух, услышав слова Аджиба, воскликнул: "Вот хорошо, клянусь Аллахом! Сын везиря будет есть в харчевне! Я отгоняю от тебя людей этой палкой, чтобы они на тебя не смотрели, и я не буду спокоен за тебя, если ты войдешь когда-нибудь в эту лавку".

И, услышав эти слова, Бедр-ад-дин Хасан удивился и повернулся к евнуху, и слезы потекли по его щекам; и тогда Аджиб сказал евнуху: "Мое сердце полюбило его". Но евнух ответил: "Оставь эти речи и не входи!" И тут отец Аджиба обратился к евнуху и сказал ему: "О старший, почему тебе не залечить мое сердце и не войти ко мне? О ты, что подобен черному каштану с белой сердцевинкой, о ты, о ком сказал кто-то из описавших его..." И евнух рассмеялся и воскликнул: "Что ты сказал? Ради Аллаха, говори и будь краток!" И Бедр-аддин тотчас же произнес такие стихи:

"Когда не был бы образован он и верен так,

Облачен бы не был он полной властью в домах вельмож.

И в гарем бы не был допущен он, о благой слуга!

Так прекрасен он, что с небес ему служат ангелы".

И евнух удивился этим словам и, взяв Аджиба, вошел в харчевню, и Бедр-ад-дин Хасан наполнил высокую миску гранатными зернышками (а они были с миндалем и сахаром), и оба стали есть вместе; и Бедр-ад-дин Хасан сказал: "Вы обрадовали нас, кушайте же на здоровье и в удовольствие!" Потом Аджиб сказал своему отцу: "Сядь поесть с нами, может быть Аллах соединит нас, с кем мы хотим"; и Бедр-ад-дин Хасан спросил: "О дитя мое, несмотря на твой юный возраст, ты испытал разлуку с любимыми?" "Да, дядюшка, – ответил Аджиб, – мое сердце сгорело от разлуки с любимым: это мой отец, и мы с моим дедом выехали и ищем его по разным странам. Горе мне! Когда мы соединимся?"

И он горько заплакал, и его отец заплакал из-за разлуки с ним, и ему вспомнилась разлука с любимыми и отдаленность от матери, и евнух тоже опечалился из-за него.

И они все поели и насытились, а после этого они вышли из лавки Бедр-ад-дина Хасана, и тот почувствовал, что душа его рассталась с телом и ушла с ними, и не мог вытерпеть без них одного мгновения.

И он запер лавку и пошел за ними следом, не зная, что это его сын, и ускорил шаг, чтобы догнать их прежде, чем они выйдут из больших ворот; и евнух обернулся к нему и спросил: "Что тебе?" И Бедр-ад-дин Хасан сказал им: "Когда вы от меня ушли, я почувствовал, что душа моя отправилась с вами. А у меня дело в городе, за воротами, и мне захотелось проводить вас, чтобы сделать это дело и вернуться".

И тут евнух рассердился и сказал Аджибу: "Этого я и боялся! Мы съели кусочек, который был злосчастным и считается для нас благодеянием, и повар теперь следует за нами с места на место".

И Аджиб повернулся и, увидев за собой повара, пришел в гнев и сказал евнуху: "Пусть его идет по дороге мусульман, а когда мы выйдем к палаткам и увидим, что он за нами следует, мы отгоним его".

И он опустил голову и пошел, и евнух сзади него; и Бедр-ад-дин Хасан следовал за ними до площади Камешков. И они приблизились к шатрам и обернулись и увидели Хасана позади себя, тогда Аджиб рассердился и испугался, что евнух все расскажет его деду.

И он исполнился гнева и огорчился тем, что про него скажут: "Он заходил в харчевню, и повар шел за ним", – и обернулся и увидел, что глаза Хасана смотрят в его глаза, – и он стал как бы телом без души.

И Аджиб подумал, что его глаз – глаз недруга, или что он сын разврата, и, еще больше рассердившись, взял камень и ударил им своего отца, и Бедр-ад-дин Хасан упал без чувств, и кровь потекла по его лицу.

И Аджиб с евнухом пошли к палаткам, а Бедр-ад-дин Хасан, придя в себя, вытер кровь и, оторвав кусок своей чалмы, завязал себе голову и стал упрекать себя и сказал: "Я обидел мальчика! Я запер лавку и пошел за ним, и он решил, что я недруг". И он затосковал по своей матери, которая находилась в Басре, и заплакал о ней и произнес:

"Прося справедливости, судьбу ты обидел бы:

Ее не кори – не так ее сотворили.

Бери что придется ты и горе кинь в сторону,

И смуты и радости всегда в жизни будут".

После этого Бедр-ад-дин продолжал продавать кушанья, а везирь, его дядя, пробыл в Дамаске три дня, а потом уехал и направился в Химс я вступил туда, – и по дороге, где бы он ни останавливался, он все искал. И он продолжал ехать, пока не прибыл в Диар-Бекр, и Мардшг, и Мосул [50], и не прерывал путешествия до города Басры. И, вступив туда, он пошел к султану и встретился с ним, и султан оказал ему уважение и отвел для него почетное жилище и спросил о причине его прибытия.

И везирь рассказал ему свою историю и прибавил, что везирь Нур-ад-дин Али – его брат, и султан призвал на него милость Аллаха и сказал: "О господин, он был моим везирем пятнадцать лет, и я очень любил его, и он умер и оставил сына, но тот пробыл здесь после его смерти только один месяц и исчез, и мы не получили о нем вестей. Но его мать у нас, так как она дочь моего старого везиря".

Услышав от царя, что мать его племянника здорова, везирь Шамс-ад-дин обрадовался и сказал: "О царь, я хочу повидаться с нею"; и царь тотчас же позволил ему, и Шамс-ад-дин вошел к ней, в дом своего брата Нур-ад-дина. И он повел взором по сторонам и поцеловал пороги в доме и подумал о своем брате Нур-ад-дине Али, который умер на чужой стороне, и заплакал и произнес:

"В жилище хожу, в жилище хожу я Лейлы [51],

Целую я там то ту, то другую стену.

Но любит душа не стены того жилища,

А любит душа того, кто живал в жилище".

И он прошел через дверь в большой двор и увидел другую дверь, с каменными сводами, выложенную разным мрамором всех цветов, и прошел по долгу и осмотрел его и обвел его взором – и увидел имя своего брата Нур-ад-дина, написанное там золотыми чернилами.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И, подойдя к надписи, он поцеловал ее и заплакал, и вспомнил о разлуке с братом и произнес такие стихи:

"Распрашивал солнце я о вас, лишь взойдет оно,

И молнию вопрошал, едва лишь блеснет она.

И сплю я, свиваемый и вновь развиваемый

Рукою тоски, но все ж на боль я не жалуюсь.

Любимые, если время долго уж тянется,

То знайте – разлука на куски растерзала нас,

И если моим глазам вы дали б увидеть вас,

То было бы лучше так и мы б с вами встретились.

Не думайте, что другим я занят! Поистине,

Не может душа моя к другому любви вместить".

И он пошел дальше и пришел к комнате жены своего брата, матери Бедр-ад-дина Хасана басрийского. А она во время отсутствия сына, не переставая, рыдала и плакала, и когда годы продолжились над нею, она сделала сыну мраморную гробницу посреди комнаты и плакала над ней днем и ночью и спала только возле этой гробницы.

И когда везирь пришел к ее жилищу, он, остановившись за дверью, услышал, как она говорит над гробницей:

"Могила, исчезла ли в тебе красота его?

Погас ли в тебе твой свет, сияющий лик его?

Могила, могила, ты не сад и не свод небес,

Так как же слились в тебе и месяц и ветвь?"

И когда она говорила, вдруг вошел к ней везирь Шамс-ад-дин и поздоровался с нею и сообщил ей, что он брат ее мужа, а потом он рассказал, что случилось, и разъяснил ей всю историю, и поведал, что ее сын Бедрсад" дин Хасан провел целую ночь с его дочерью десять лет тому назад, а утром исчез. "А моя дочь понесла от твоего сына и родила мальчика, который со мной, и он твой внук и сын твоего сына от моей дочери".

И, услышав весть о своем сыне и увидев своего деверя, она упала к его ногам и стала целовать их, говоря:

"Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли!

Он доставил мне наилучшее, что я слышала.

Будь доволен он тем, что порвано, подарила бы

Ему душу я, что истерзана расставанием".

Потом везирь послал за Аджибом, и когда он пришел, его бабка обняла его и заплакала, и везирь Шамс-ад-дин сказал ей: "Теперь не время плакать, теперь время тебе собираться, чтобы ехать с нами в земли египетские. Быть может, Аллах соединит нас и тебя с твоим сыном и моим племянником!"

И она отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" – и тотчас же поднялась и собрала свои вещи, и сокровища, и девушек и немедленно снарядилась; а везирь Шамс-ад-дин пошел к султану Басры и простился с ним, и тот послал с ним подарки и редкости для султана Египта.

И Шамс-ад-дин тотчас же выехал и, достигнув окрестностей города Дамаска, остановился в Кануне [52] и разбил палатки и сказал тем, кто был с ним: "Мы пробудем здесь неделю, пока не купим султану подарки и редкости".

И тогда Аджиб вышел и сказал евнуху: "О Ляик, мне хочется прогуляться! Пойдем отправимся на рынок, пройдем в Дамаск и посмотрим, что случилось с тем поваром, у которого мы ели, а потом ранили его в голову. Он ока зал нам милость, и мы дурно поступили с ним".

И евнух ответил: "Слушаю и повинуюсь!" И Аджиб вместе с евнухом вышел из палатки, движимый кровным влечением к отцу, и они тотчас же вошли в город и, не переставая, шли, пока не дошли до харчевни. И они увидели, что повар стоит в лавке (а время близилось к закату солнца), и случилось так, что он сварил гранатных зернышек. И когда они подошли к нему и Аджиб взглянул на него, он почувствовал к нему влечение и увидел след удара камнем у него на лбу, и сказал ему: "Мир тебе! Знай, что мое сердце с тобою". И внутри Бедр-ад-дина все взволновалось, когда он взглянул на мальчика, и сердце его затрепетало, и он склонил голову к земле и хотел и не мог повернуть язык во рту, а потом он поднял голову, униженно и смиренно, и произнес такие стихи:

"Стремился к любимым я, но только увидел их

Смутился и потерял над сердцем и взором власть.

И в страхе, с почтением понурил я голову,

И чувства свои я скрыть хотел, по не скрыл я их.

И свитками целыми готовил упреки я,

Когда же мы встретились, я слова не вымолвил".

Потом он сказал им: "Залечите мое сердце и поешьте моего кушанья. Клянусь Аллахом, едва я посмотрел на тебя, мое сердце затрепетало, и я последовал за гобой, будучи без ума". – "Клянусь Аллахом, ты нас любишь, – сказал Аджиб, – и мы съели у тебя кусочек, а ты возложил на нас последствия этого и хотел нас опозорить. Но мы съедим у тебя что-нибудь, только с условием, что ты дашь клятву не выходить за нами и не преследовать нас. Иначе мы больше не вернемся к тебе; а мы пробудем Здесь неделю, пока мой дед не купит подарки для царя".

И Бедр-ад-дин сказал: "Быть по-вашему!" И Аджиб с евнухом вошли в лавку, и тогда Бедр-ад-дин подал им мяску с гранатными зернышками, и Аджиб сказал: "Поешь с нами! Может быть, Аллах облегчит нашу тяготу". И Бедр-ад-дин обрадовался и стал есть с ними, уставясь в лицо Аджиба, и его сердце и чувства привязались к нему; но Аджиб сказал: "Не говорил ли я, что ты влюбленный и надоедливый!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Довольно тебе глядеть мне в лицо!" И, услышав слова своего сына, Бедр-ад-дин произнес:

"Для тебя в душе сохранил я тайну сокрытию:

Обвита молчаньем моим она, не узнать ее.

И позорящий светonosный месяц своей красой

И той прелестью, что подобна утру светящему,

Твой блестящий лик в нас желанья будит, – конца им нет,

И сулит свиданья и долгие и частые.

Ужель растаю от жара я, раз твой лик – мой рай,

И умру ль от жажды, коль райский ключ мне слюна

твоя"

И Бедр-ад-дин стал кормить то Аджиба, то евнуха, и они ели, пока не насытились, а потом встали, и Хасан басрийский поднялся и полил им на руки воды и, отвязав от пояса шелковую салфетку, вытер им руки и опрыскал их розовой водой из бывшей у него фляги. И потом он вышел из лавки и вернулся с кружкой питья, смешанного из розовой воды с мускусом, и, поставив ее перед ними, сказал: "Довершите вашу милость!"

И Аджиб взял и отпил и протянул кружку евнуху, и они пили, пока у них не наполнились животы, и оба насытились до сытости, необычайной для них. И после того они ушли и торопились, пока не достигли палаток, и Аджиб пошел к своей бабке, матери его отца, Бедр-ад-дина Хасана, и она поцеловала его и подумала о своем сыне Бедр-ад-дине Хасане и вздохнула и стала плакать, и затем сказала:

"Я прежде надеялась, что снова мы встретимся,

Ведь жить, когда вы вдали, мне больше не хочется,

Клянусь я, в душе моей одно лишь стремленье к вам,

И тайны Аллах, господь, сокрытые ведает".

И затем она спросила Аджиба: "О дитя мое, где ты был?" И он ответил: "В городе Дамаске". И тогда она подала ему миску гранатных зернышек (а они были не очень сладкие) и сказала евнуху: "Садись с господином!"

И евнух воскликнул про себя: "Клянусь Аллахом, нет у пас охоты до еды!" – и сел; а что до Аджиба, то, когда он сел, его живот был наполнен тем, что он съел и выпил. И он взял кусок хлеба и обмакнул его в гранатные зернышки и съел, и нашел их недостаточно сладкими, так как был сыт. "Фу! Что это за мерзкое кушанье!" – воскликнул он. И его бабка сказала: "О дитя мое, ты хулишь мое кушанье, а я сама его варила, и никто не умеет так его варить, как я, кроме твоего отца, Бедр-ад-дина Хасана". – "О госпожа, – сказал Аджиб, – твоя стряпня отвратительна! Мы сейчас видели в городе повара, который сварил таких гранатных зернышек, что их запах раскрывает сердца, а его кушанье хочется съесть целиком. А твое кушанье в сравнении с ним ничего не стоит".

Услышав эти слова, бабка Аджиба пришла в сильный гнев и посмотрела на евнуха..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать четвертая ночь

Когда же наступила двадцать четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что бабка Аджиба, услышав его слова, разгневалась и посмотрела на евнуха и сказала ему: "Горе тебе! Ты испортил моего внука, так как заходил с ним в харчевню!"

И евнух испугался и стал отрицать и сказал: "Мы не

Заходили в харчевню, а только проходили мимо". – "Клянусь Аллахом, мы заходили и ели, и его кушанье лучше твоего!" – сказал Аджиб; и тогда его бабка поднялась и рассказала об этом брату своего мужа и вызвала в нем гнев на евнуха.

И евнух явился к везиру, и тот сказал ему: "Зачем ты заходил с моим внуком в харчевню?"

И евнух испугался и сказал: "Мы не заходили!" Но Аджиб воскликнул: "Мы зашли и поели гранатных зернышек досыта, и повар напоил нас медом со снегом и с сахаром!" И везирь еще больше разгневался на евнуха и спросил его, но тот все отрицал.

И тогда везирь воскликнул: "Если твои слова – правда, сядь и поешь перед нами!" И евнух подошел и хотел есть, но не мог, и бросил кусок хлеба и сказал: "О господин мой, я сыт со вчерашнего дня!"

И везирь понял, что он ел у повара, и велел рабам повалить его, и принялся его больно бить.

И евнух завопил и сказал: "О господин, не бей меня, я расскажу тебе правду!" И тогда его перестали бить; и везирь воскликнул: "Говори по истине!" И евнух сказал: "Знай, что мы вошли в харчевню, когда повар варил гранатные зернышки, и он поставил их перед нами, и, клянусь Аллахом, я в жизни не ел ничего подобного им и не пробовал ничего сквернее того, что перед нами".

И мать Бедр-ад-дина Хасана рассердилась и сказала: "Неприменно пойдя к этому повару и принеси от него миску гранатных зернышек! Покажи их твоему господину, и пусть он скажет, которые лучше и вкуснее". – "Хорошо!" – сказал евнух; и она тотчас дала ему миску и полдинара, и он отправился и, придя в харчевню, сказал повару: "Мы поспорили в доме моего господина о твоем кушанье, так как у них тоже готовили гранатные зернышки. Дай нам твоего кушанья на эти полдинара и берегись: мы наелись болезненных ударов за твою стряпню".

И Бедр-ад-дин Хасан засмеялся и сказал: "Клянусь Аллахом, этого кушанья никто не умеет готовить, кроме меня и моей матери, а она теперь в далеких странах!"

И он взял миску и налил в нее кушанье и облил его сверху мускусом и розовой водой, и евнух забрал миску и поспешно пришел к ним.

И мать Хасана взяла кушанье и попробовала его, и, увидев, как оно вкусно и отлично состряпано, она узнала, кто его стряпал, и вскрикнула, а затем упала без чувств.

И везирь оторопел, а потом брызнул на нее розовой водой, – и через некоторое время она очнулась и сказала: "Если мой сын еще на свете, то никто не сварит так гранатных зернышек, кроме него! Это мой сын, Бедр-ад-дин Хасан, наверно и несомненно, так как это кушанье

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

могу готовить только я, и я научила Бедр-ад-дина его стряпать".

И, услышав ее слова, везирь сильно обрадовался и воскликнул: "О, как я стремлюсь увидеть сына моего брата! Увидим ли, что судьба соединит нас с ним! Мы просим о встрече с ним одного лишь великого Аллаха!"

И везирь в тот же час и минуту поднялся и кликнул людей, бывших с ним, и сказал: "Пусть пойдут из вас двадцать человек к этой харчевне и разрушат ее, а повара свяжите его чалмой и притащите силой ко мне, но не причиняйте ему вреда!"

И они сказали: "Хорошо!", а везирь тотчас же поехал в "Обитель счастья" и, повидавшись с наместником Дамаска, ознакомил его с письмами султана, которые были у него с собою; и наместник положил их на голову, сначала поцеловав их, а потом спросил: "А где же твой обидчик?" – "Это один повар", – отвечал везирь. И наместник тотчас же велел своим придворным отправиться в его харчевню; и они пошли и увидели, что она разрушена и все в ней поломано, так как, когда везирь поехал во дворец, ею люди сделали то, что он приказал, и сидели, ожидая возвращения везира из дворца, а Бедр-ад-дин говорил: "Посмотри-ка! Что это такое нашли в гранатных зернышках, что со мной случилось подобное дело?"

И когда везирь вернулся от дамасского наместника (а тот разрешил ему взять своего обидчика и выехать с ним), он вошел в палатку и потребовал повара, – и того привели, скрученного чалмой. И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на своего дядю и горько заплакал и сказал: "О господин мой, в чем мой грех перед вами?" – "Это ты сварил гранатные зернышки?" – спросил его везирь. "Да, – отвечал Бедр-ад-дин, – а вы нашли в них что-то, за что следует снять голову?" – "Это наилучшее и наименьшее возмездие тебе!" – воскликнул везирь. И Бедр-ад-дин сказал: "О господин мой, не сообщишь ли ты мне, в чем мой грех?" – "Да, сию минуту", – отвечал везирь, и потом он крикнул слугу и сказал: "Приведите верблюдов". И они взяли Бедр-ад-дина Хасана и положили в сундук, и заперли его, и поехали, и ехали, не переставая, до ночи. А потом они сделали привал, кое-чего поели и вынули Бедр-ад-дина и покормили его и положили обратно в сундук, и так это продолжалось, пока они не достигли Камры [53].

И тогда Бедр-ад-дина Хасана вынули из сундука, и везирь спросил его: "Это ты варил гранатные зернышки?" – "Да, о господин мой", – отвечал Бедр-ад-дин; и везирь сказал: "Закуйте его!" И его заковали и снова положили в сундук и поехали, и когда прибыли в Каир, остановились в ар-Рейдании [54]. И везирь велел вынуть Бедр-ад-дина Хасана из сундука и приказал позвать плотника и сказал ему: "Сделай для него деревянную куклу". – "А что ты будешь с ней делать?" – спросил Бедр ад-дин-Хасан. "Я повешу тебя на кукле и прибью тебя к ней гвоздями и повезу тебя по всему городу", – отвечал везирь. И Бедр-ад-дин воскликнул: "За что ты со мной это сделаешь?" – "За то, что ты скверно сварил гранатные зернышки, сказал везирь. – Как мог ты их так сварить, что в них недоставало перцу?" – "И за то, что в них не хватало перцу, ты со мной все это делаешь! – воскликнул Бедр-ад-дин. – Недостаточно тебе было меня заточить! И кормили-то вы меня раз в день!" – "Не хватало перцу, и нет для тебя наказания, кроме смерти!" – сказал везирь. И Бедр-ад-дин изумился и опечалился о самом себе.

"О чем ты думаешь?" – спросил его везирь. "О бестолковых умах, подобных твоему, – отвечал Бедр-аддин. – Будь у тебя разум, ты бы не сделал со мною этих дел". – "Нам надо тебя помучить, чтобы ты больше не делал подобного этому", – сказал везирь, а Бедр-ад-дин Хасан возразил: "Поистине, ничтожнейшее из того, что ты со мной сделал, достаточно меня измучило!" Но везирь воскликнул: "Тебя непременно надо повесить!" А в это время плотник готовил куклу, а Бедр-ад-дин смотрел. И так продолжалось, пока не подошла ночь, и когда дядя Бедр-ад-дина взял его и бросил в сундук и сказал: "Это будет завтра!"

И он подождал, пока не убедился, что Бедр-ад-дин заснул, и, сев на коня, взял сундук, поставил его перед собою и въехал в город, и ехал, пока не прибыл к своему дому, и тогда он сказал своей дочери, Ситт-аль-Хусн: "Слава Аллаху, который соединил тебя с сыном твоего дяди! Поднимайся, убери комнату так, как она была убрана в вечер смотрин".

И она встала и зажгла свечи, а везирь вынул исчерченную бумажку, на которой он нарисовал расположение комнаты, и они поставили все на место, так что видевший не усомнился бы, что это та же самая ночь смотрин.

И после этого везирь приказал положить тюрбан Бедр-ад-дина Хасана на то же место, куда он положил его своей рукой, а также его шальвары и кошель, который был под тюфяком, а затем он велел своей дочери раздеться, так же как в ночь смотрин, и сказал: "Когда войдет сын твоего дяди, скажи ему: "Ты заставил меня ждать, уйдя в покой уединения!" И пусть он с тобой переночует до утра, а тогда мы ему покажем записанные числа".

Потом везирь вынул Бедр-ад-дина из сундука, раньше сняв с его ног оковы и освободив его от того, что на нем было, так что он остался в тонкой ночной рубашке, без шальвар (а он спал, ничего не зная).

И по предопределенному велению Бедр-ад-дин перевернулся и проснулся и увидел себя в освещенном проходе и сказал себе: "Это испуганные грезы!"

И он встал и прошел немного до второй двери и посмотрел, – и вдруг, оказывается, он в той комнате, где перед ним открывали невесту, и видит балдахин, и скамеечку, и свой тюрбан, и вещи.

И, увидя это, Бедр-ад-дин оторопел и стал переступать с ноги на ногу и воскликнул: "Сплю я или бодрствую?"

И он принялся тереть себе лоб и с изумлением говорил: "Клянусь Аллахом, это помещение невесты, где ее открывали для меня! Где же я? Я ведь был в сундуке!"

И пока он говорил сам с собою, Ситт-аль-Хусн вдруг подняла край полога и сказала: "О господин мой, не войдешь ли ты? Ты задержался в покое уединения". И когда

Бедр-ад-дин услышал ее слова и увидел ее, он рассмеялся и сказал: "Поистине, это спутанные грезы!"

Потом он вошел и стал вздыхать, размышляя о том, что случилось, и не зная, что думать, и все происшедшее стало ему неясно, когда он увидел свой тюрбан и шальвары и кошель, в котором была тысяча динаров.

"Аллах лучше знает! Это спутанные грезы!" – воскликнул он. И тогда Ситт-аль-Хусн сказала ему: "Что это, ты, я вижу, смущен и удивлен? Не таким ты был в начале ночи!" И Бедр-ад-дин засмеялся и спросил: "Сколько времени меня с тобою не было?" И она воскликнула:

"Спаси тебя Аллах! Имя Аллаха вокруг тебя! Ты только вышел за нуждою и возвращаешься. Ты потерял ум!"

И Бедр-ад-дин, услышав это, засмеялся и сказал: "Ты права! Но когда я вышел от тебя, я забылся в домике с водой и видел во сне, что я сделался поваром в Дамаске и прожил там десять лет, и будто ко мне пришел кто-то из детей вельможи и с ним был евнух..."

И тут Бедр-ад-дин Хасан пощупал рукой лоб и, найдя на нем след удара, воскликнул: "Клянусь Аллахом, о госпожа моя, это как будто правда, так как он ударил меня по лбу и ранил меня. Похоже, что это наяву было!"

Потом он сказал: "Когда мы обнялись и заснули, мне приснилось, будто я отправился в Дамаск без тюрбана и без шальвар и сделался поваром..." И он простоял некоторое время растерянный и сказал: "Я как будто видел, что я сварил гранатных зернышек, в которых было мало перцу... Клянусь Аллахом, я, наверно, заснул в комнате с водой и видел все это во сне!.." – "Заклинаю тебя Аллахом, что ты еще видел во сне, кроме этого?" – спросила Ситт-аль-Хусн; и Бедр-ад-дин Хасан рассказал ей и добавил: "Клянусь Аллахом, если бы я не проснулся, они бы, наверно, распяли меня на деревянной кукле!" – "За что же?" – спросила Ситт-аль-Хусн. "За недостаток перца в гранатных зернышках, – ответил Бедр-ад-дин. – Они как будто разрушили мою лавку, разбили всю мою посуду и положили меня в сундук, а потом

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

привели плотника, чтобы сделать для меня виселицу, так как они хотели меня повесить. Слава же Аллаху за то, что все это случилось со мною во сне, а не произошло наяву!"

И Ситт-аль-Хусн засмеялась и прижала его к своей груди, и он тоже прижал ее к груди, а после, подумав, сказал: "Клянусь Аллахом, похоже на то, что это было несомненно наяву! Не знаю, в чем тут дело!"

И он заснул, недоумевая о своем деле, и то говорил: "Я грезил", то говорил: "Я бодрствовал", – и так продолжалось до утра, когда к нему вошел его дядя, Шамс-аддин, везирь, и поздоровался с ним.

И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на него и воскликнул: "Клянусь Аллахом, не ты ли это велел меня скрутить и прибить меня гвоздями и разрушить мою лавку из-за того, что в гранатных зернышках не доставало перца?" И тогда везирь сказал ему: "Знай, о дитя мое, что истина выяснилась, и стало явно то, что было скрыто. Ты – сын моего брата, и я сделал это, чтобы убедиться, что ты тот, кто вошел к моей дочери той ночью. А убедился я в этом только потому, что ты узнал комнату и узнал твою чалму и шальвары, и твое золото и бумажку, что написана твоим почерком, ту, которую написал твой родитель, мой брат. Я не видел тебя прежде этого и не знал тебя, а твою мать я привез с собою из Басры".

И после этого он бросился к Бедр-ад-дину и заплакал, и Бедр-ад-дин Хасан, услышав от своего дяди такие слова, до крайности удивился и обнял своего дядю, плача от радости. А потом везирь сказал ему: "О дитя мое, всему этому причиной то, что произошло между мной и твоим отцом", – и он рассказал ему, что случилось у него с братом и почему тот уехал в Басру.

Затем везирь послал за Аджибом; и, увидев его, его отец воскликнул: "Вот тот, кто ударил меня камнем!" А везирь сказал: "Это твой сын". И тогда Бедр-ад-дин кинулся к нему и произнес:

"Я немало плакал, когда случилось расстаться нам,

И пролили веки потоки слез в печали.

И поклялся я, что когда бы время свело нас вновь,

О разлуке я поминать не стал бы устами.

Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,

Что от силы счастья повергнут я в слезы".

И когда он кончил свои стихи, вдруг подошла его мать и кинулась к нему и сказала:

"Мы сетовали при встрече на силу того, что скажем;

Не выразить ведь печали устами гонца веки".

А затем его мать рассказала ему, что случилось после его исчезновения, и Хасан рассказал ей, что он перенес, – и они возблагодарили Аллаха великого за то, что встретились друг с другом.

Потом везирь Шамс-ад-дин отправился к султану, через два дня после того, как он прибыл, и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю и приветствовал его, как приветствуют царей; и султан обрадовался и улыбнулся ему в лицо и велел ему приблизиться, а потом расспросил его о том, что он видел в путешествии и что с ним произошло во время поездки.

И Шамс-ад-дин рассказал ему всю историю от начала до конца; и султан сказал: "Слава Аллаху, что ты получил желаемое и возвратился невредимый к семье и детям! Я непременно должен увидеть твоего племянника Хасана басрийского, приведи его завтра в диван". – "Твой раб явится завтра, если захочет Аллах великий", – ответил Шамс-ад-дин, а затем пожелал султану мира и вышел; а вернувшись домой, он рассказал сыну своего брата, что султан пожелал его видеть, и Хасан басрийский сказал: "Раб послушен приказанию владыки!"

Словом, он отправился к его величеству султану со своим дядей Шамс-ад-дином и, явившись пред лицо его, приветствовал его совершеннейшим и наилучшим приветствием и произнес:

"Вот землю целует тот, чей сан вы возвысит

И кто во стремлениях успеха достиг своих.

Вы славой владеете, – и те лишь удачливы,

Чрез вас кто надеется, быв низким, высоким стать".

И султан улыбнулся и сделал ему знак сесть, и он сел подле своего дяди Шамс-ад-дина; а потом царь спросил его об его имени, и Хасан сказал: "Я недостойнейший из твоих рабов, прозываемый Хасаном басрийским, молящийся за тебя ночью и днем".

И султану понравились его слова, и он пожелал испытать его, чтобы проявилось, каковы его знания и образованность, и спросил: "Хранишь ли ты в памяти како-нибудь описание родинки?" – "Да, – ответил Хасан и произнес:

Любимый! Всякий раз, как его вспомню,

Я слезы лью, и громко я рыдаю.

Он с родинкой, что красотой и цветом

Зрачок очей напомнит или финик".

И царь одобрил это двустишие и сказал Хасану: "Попадавай еще! Аллаха достоин твой отец, и да не сломаются твои зубы!" И Хасан произнес:

"Клянусь точкой родинки, что зернышку мускуса

Подобна! Не удивись словам ты сравнившего,

Напротив, дивись лицу, что прелесть присвоило

Себе, не забывши взять мельчайшего зернышка".

И царь затрясся от восторга и сказал ему: "Прибавь мне, да благословит Аллах твою жизнь!" И Хасан произнес:

"О ты, чей лик украсила родинка,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что мускусу подобна на яхонте,

Не будь жесток и близость даруй ты мне,

Желание и пища души моей!"

"Прекрасно, о Хасан, ты отличился вполне! – воскликнул царь. Разъясни нам, сколько значений имеет слово "аль-халь" в арабском языке?" – "Да поддержит Аллах царя, пятьдесят восемь значений, а говорят пятьдесят", – ответил Хасан. И царь сказал: "Ты прав! – а потом спросил: Знаешь ты, каковы отдельные качества красоты?" – "Да, – отвечал Хасан, миловидность лица, гладкость кожи, красивая форма носа и привлекательность черт, а завершение красоты – волосы. И все это объединил еще аш-Шихаб-аль-Хиджази в стихах, размером реджез. Вот они:

Липу краса, скажи, должна присуща быть,

И коже гладкость. Будь же пронизательным!

За красоту все хвалят нос, поистине,

Глаза ж прекрасных знамениты нежностью.

Да! А устам присуща прелесть, сказано;

Пойми же то, да не утратишь отдых ты!

Язык быть должен острым, стан изящным быть,

Чертам лица быть следует красивыми.

Верх красоты же, говорится, – волосы.

Внемли же ты стихам моим и краток будь!"

И царь порадовался словам Хасана и обласкал его и спросил: "Что означает поговорка: "Шурейх [55] хитрее лисицы?" И Хасан отвечал: "Знай, о царь, – да поддержит тебя Аллах великий, – что Шурейх в дни моровой язвы удалился в Неджеф [56], и когда он вставал на молитву, приходила лисица и, стоя против него, подражала ему, отвлекая его от молитвы. И когда это продлилось, он снял однажды рубаху и повесил ее на трость, вытянув рукава. а сверху надел свой тюрбан и перевязал рубаху у пояса и поставил трость на том месте, где молился. И лисица, как всегда, пришла и встала напротив, а Шурейх подошел к ней сзади и поймал ее, – и сказано было, что сказано".

И, услышав то, что высказал Хасан басрийский, султан сказал его дяде, Шамс-ад-дину: "Поистине, сын твоего брата совершенен в области словесных наук, и я не думаю, чтобы подобный ему нашелся в Каире!" И Хасан басрийский поднялся и облобызал землю перед султаном и сел, как садится невольник перед своим господином.

И султан, узнавши поистине, какие достались Хасану басрийскому знания в словесности, обрадовался великой радостью и наградил его почетной одеждой и назначил его на дело, которое могло бы помочь ему поправить свое положение; а после того Хасан басрийский поднялся и поцеловал землю перед султаном и, пожелав ему вечного величия, попросил позволения уйти вместе со своим дядей, везирем Шамс-ад-дином.

И султан позволил ему, и он вышел и пришел со своим дядей домой, и им подали еду, и они поели того, что уготовил им Аллах, а затем, покончив с едой, Хасан басрийский вошел в покой своей жены Ситт-аль-Хусн и рассказал ей, что с ним произошло в присутствии султана; и она воскликнула: "Он непременно сделает тебя своим сотрапезником и в изобилии пожалует тебе награды и подарки!

По милости Аллаха ты блещешь светом своих совершенств, словно величайшее светило, где бы ты ни был, на суше или на море". – "Я хочу сказать ему хвалебную касыду, чтобы любовь ко мне увеличилась в его сердце", – сказал Хасан. И его жена воскликнула: "Ты это решил удачно! Подумай хорошенько и постарайся сказать получше. Я так и вижу, что он ответит тебе приязнью".

И Хасан басрийский удалился в сторонку и старательно вывел стихи, стройные по построению и прекрасные по смыслу. Вот они:

Высшей славы повелитель мой достиг,

И стезей великих, славных он грядет.

Справедливыми все страны сделал он,

Безопасными и путь закрыл врагам.

Это набожный и прозорливый лев;

Царь, ты скажешь, или ангел – он таков.

Все богатыми уходят от него,

Описать его в словах бессилен ты.

В день раздачи он сияет, как заря,

В день же боя темен он, как ночи мрак.

Его щедрость охватила шеи нам,

Над свободными он милостью царит.

Да продлит Аллах надолго его век

И от гибельной судьбы да сохранит!

И, окончив писать эти стихи, он послал их его величеству султану с одним из рабов своего дяди, везира Шамсад-дина; и царь ознакомился с ними, и его сердце обрадовалось им, и он прочел их тем, кто был перед ним, и они восхвалили Хасана великой похвалой. А потом султан призвал его в свою приемную и, когда он явился, сказал ему: "С сегодняшнего дня ты мой сотрапезник, и я назначаю тебе ежемесячно тысячу дирхемов, кроме того, что я определил тебе раньше".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И Хасан басрийский поднялся и трижды поцеловал перед султаном землю и пожелал ему вечной славы и долгой жизни. И после этого сан Хасана басрийского возвысился, и слух о нем полетел по странам, и он пребывал со своим дядей и семьей в прекраснейшем состоянии и приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть".

Услышав из уст Джафара эту историю, Харун ар-Рашид удивился и сказал: "Должно записать эти происшествия золотыми чернилами!"

Затем он отпустил раба и приказал назначить юноше на каждый месяц столько, чтобы его жизнь была хороша, и подарил ему от себя наложницу, и юноша стал одним из его сотрапезников.

Но это нисколько не удивительнее сказки о портном, горбуне, еврее, надсмотрщике и христианине, и того, что с ними случилось".

"А как это было?" – спросил царь.